

СТИВЕН
КИНГ

МЕРТВАЯ ЗОНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84 (7Сое)-44
К41

Stephen King
THE DEAD ZONE

Перевод с английского *В. Антонова*

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств The Lotts Agency
и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Мертвая зона: [роман] / Стивен Кинг ; [пер. с
англ. В. Антонова]. — Москва: Издательство АСТ,
2024. — 544 с.

SBN 978-5-17-106151-7 (С.: Король на все времена)

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн В. Воронина

Фото автора на обложке: Shane Leonard.

ISBN 978-5-17-084167-7 (С.: Эксклюзивная классика)

Серийное оформление Е. Фerez, А. Фerezа

...Столкновение на льду обернулось для Джона Смита сотрясением мозга. С тех пор его неизменно преследуют страшные видения. А еще после катастрофы он приобрел сверхъестественные способности, превосходящие дар любого ясновидящего. Теперь Джон раскрывает самые запутанные преступления. Помогает попавшим в беду людям. И однажды понимает, что он — единственный, кто в силах остановить рвущегося к власти политика, готового ввергнуть в хаос и ужас миллионы людей... Но чем ему придется за это заплатить?

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84 (7Сое)-44

© Stephen King, 1979

© Перевод. В.В. Антонов, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

От автора

События, изложенные в романе, вымышлены. Все персонажи — тоже плод авторской фантазии. Поскольку действие происходит в исторических условиях минувшего десятилетия*, читателю могут встретиться имена реальных людей, известных в семидесятых годах. Надеюсь, портрет ни одного из этих лиц не искажен.

В штате Нью-Хэмпшир нет третьего избирательного округа, как нет и города Касл-Рок в штате Мэн.

Приемы уроков чтения Чака Четсворта заимствованы из книги Макса Брэнда «Живой мозг», впервые опубликованной издательством «Додд, Мид энд компани».

* Впервые роман «Мертвая зона» вышел в 1979 г. — *Примеч. ред.*

Посвящается Оуэну

Я люблю тебя, старый увальнь

ПРОЛОГ

1

К окончанию колледжа Джон Смит уже не помнил, что в январе 1953 года сильно ударился головой и растянулся на льду. Вообще-то воспоминания о том злополучном падении стерлись из его памяти к концу школы. А родители об этом вообще ничего не знали.

Они катались на расчищенном от снега пяточке Круглого пруда в Дареме. Мальчишки постарше играли в хоккей старыми клюшками, обмотанными изоляционной лентой, а воротами служили старые корзины из-под картофеля. Малышня, как водится, крутилась тут же, смешно вихляя коленками и выпуская клубы пара на двадцатиградусном морозе. На углу расчищенной площадки чадили две горящие автомобильные покрышки, возле которых устроились родители, наблюдавшие за детьми. Снегоходы еще не изобрели, и зимние развлечения по-прежнему сводились к физической нагрузке, а не к испытанию на прочность бензиновых двигателей.

Джонни жил на окраине Паунала и пришел на каток с коньками, перекинутыми через плечо. Для шестилетнего мальчугана он катался очень неплохо. Конечно, не

так хорошо, чтобы играть в хоккей с ребятами постарше, но вполне прилично, поэтому и описывал круги вокруг других малышей, которые судорожно взмахивали руками, стараясь сохранить равновесие, и все равно плюхались на лед мягким местом.

Сейчас Джонни медленно катился по краю расчищенного пятачка, мечтая научиться скользить задом наперед, как Тимми Бенедикс, и прислушиваясь к потрескиванию льда, крикам хоккеистов, обрывкам разговоров взрослых и урчанию грузовика, везущего через мост сырье на гипсовую фабрику в Лисбон-Фоллс. Он всюду радовался жизни в этот отличный, по-зимнему холодный день. Ничто не омрачало его чудесного настроения, и ни о чем не мечталось... разве что научиться ездить задом наперед, как Тимми Бенедикс.

Проехав мимо костра, Джонни увидел, как несколько взрослых передают по кругу бутылку.

— Дайте мне тоже! — крикнул он Чаку Спайеру, на котором была большая клетчатая куртка и теплые зеленые фланелевые штаны.

Чак засмеялся:

— Проваливай, малыш! Вон тебя мама зовет!

Улыбаясь, шестилетний Джонни Смит покатил дальше. И тут заметил, как по дороге к пруду спускается Тимми Бенедикс, а следом — его отец.

— Тимми! — закричал Джонни. — Смотри!

Он повернулся и неуклюже заскользил спиной вперед, не замечая, что движется в самую гущу хоккеистов.

— Эй, малыш! — крикнул кто-то. — Гляди, куда катишь!

Но Джонни ничего не слышал. У него получилось! Он ехал задом наперед! Мальчик вдруг уловил суть движения — надо только чуть вывернуть ступни...

Охваченный восторгом, он опустил взгляд, чтобы посмотреть, как двигались ноги.

Мимо него проскочила старая, изрезанная царапинами шайба со стертymi краями, но он не видел ее. Один из хоккеистов — не очень уверенно державшийся на коньках — бросился за ней, не замечая ничего вокруг.

Чак Спайер, первым поняв, что происходит, вскочил на ноги и крикнул:

— *Джонни! Берегись!*

Джонни поднял голову, и в следующий момент неумелый хоккеист врезался в него на полной скорости со всей тяжестью своих ста шестидесяти фунтов.

Джонни, раскинув руки, взмыл вверх и через мгновение рухнул на лед, ударился головой и провалился в темноту.

Тьма... Черный лед... Тьма... Черный лед... Черная мгла.

Джонни сказали, что он потерял сознание. А ему запомнились только навязчивая мысль о темноте и неожиданно окружившие его лица: испуганных хоккеистов, встревоженных родителей, любопытствующих малышей. Ухмыляется Тимми Бенедикс. Чак Спайер приподнимает Джонни со льда...

Черный лед. Мгла.

— Ну как ты? — спросил Чак. — Джонни... с тобой все в порядке? Ты здорово ушибся.

— Чернота, — глухо произнес Джонни. — Черный лед. Не надо на нем прыгать, Чак.

Чак испуганно оглянулся и, снова посмотрев на Джонни, осторожно потрогал огромную шишку, вздувшуюся на лбу мальчика.

— Я нечаянно, — сказал неуклюжий хоккеист. — Я даже не видел его. Малышам на хоккее не место. Это все знают.

Он неуверенно оглянулся, ища поддержки.

— *Джонни?* — снова окликнул Чак. Ему не понравился взгляд мальчика, мрачный, холодный, отсутствующий. — *С тобой все в порядке?*

— Не надо на нем прыгать, — повторил Джонни, по-прежнему не сознавая, что говорит — все его мысли занимал только черный лед. — Взрыв. Кислота.

— Может, отвезти его к врачу? — спросил Чак у Билла Гендрона. — Похоже, он бредит?

— Подождем минутку, — отозвался Билли.

Они так и сделали, и через некоторое время в голове Джонни действительно начало проясняться.

— Я в порядке, — пробормотал он. — Дайте мне встать!

Проклятый Тимми Бенедикс по-прежнему ухмылялся, и Джонни решил, что еще покажет ему. К концу недели он уже будет описывать круги вокруг Тимми: хочешь передом, хочешь задом.

— Иди-ка сюда и посиди у костра, — предложил Чак. — Ты здорово ушибся!

Джонни послушно дошел до горящих покрышек, но от едкого запаха плавящейся резины его затошнило. Потом разболелась голова, и он с любопытством ощупал шишку над правым глазом. Ему показалось, что она выпирает, как рог.

— Ты помнишь, как тебя зовут, и вообще? — поинтересовался Билл.

— Конечно. Я все помню. Со мной все в порядке.

— Кто твои мама и папа?

— Эрб и Вера. Фамилия Смит.

Билл и Чак, переглянувшись, пожали плечами.

— Думаю, с ним все в порядке, — заметил Чак и уже в третий раз добавил: — Он здорово приложился, верно? Поразительно!

— Дети... — Билл любовно посмотрел на своих восьмилетних дочурок-близняшек, которые катались,

взявшись за руки, и снова перевел взгляд на Джонни. — От такого удара взрослый вряд ли очухался бы.

— Если, конечно, у него голова не пустая! — заметил Чак, и они рассмеялись. Бутылка виски снова пошла по кругу.

Через десять минут Джонни уже снова катался, головная боль утихла, а шишка на лбу выпирала, как бугорок. Вернувшись домой преисполненным гордости от того, что умеет кататься задом наперед, он напрочь забыл о злосчастном падении и потере сознания.

— Боже милостивый! — воскликнула Вера Смит, увидав сына. — Что случилось?

— Упал, — объяснил мальчик, с жадностью уплетая томатный суп.

— С тобой все в порядке, Джон? — участливо спросила она, осторожно трогая шишку.

— Конечно, мам.

Это было правдой, если не считать того, что и месяц спустя после этого Джонни время от времени снились кошмары... Да еще на него вдруг наваливались в необычное время неожиданные приступы сонливости. Но и кошмары по ночам, и приступы сонливости вскоре прошли.

С ним было все в порядке.

Как-то утром в середине февраля, обнаружив, что сел аккумулятор его старенького «де сото», Чак Спайер решил подзарядить его от грузовичка. Когда он подсоединял провод ко второй клемме аккумулятора, тот взорвался прямо перед ним, брызнув осколками и едкой кислотой в лицо. Чак потерял глаз. Вера сказала, что Господь был милостив, сохранив ему второй. Джонни очень переживал и через неделю после несчастного случая отправился с отцом навестить Чака в больнице Льюистона. Он был потрясен, увидев Большого Чака на больничной койке потерянным и жал-

ким, и в ту ночь ему приснилось, что *он сам* оказался в больнице вместо Чака.

Впоследствии у Джонни иногда появлялись предчувствия. Например, он знал, какую песню поставит диджей на радио, но никогда не связывал это с тем злополучным ударом головой об лед. Со временем Джонни совсем забыл о том происшествии.

Предчувствия бывали довольно редко и никогда не удивляли его. Удивлять они стали после той ярмарки и случая с маской. Накануне второго несчастного случая.

Позже он часто размышлял об этом.

На «Колесе фортуны» Джонни выиграл *перед* вторым несчастным случаем.

Это было как напоминание из прошлого.

2

Летом 1955 года по Небраске и Айове колесил коммивояжер. Под лучами палящего солнца он сидел за рулем «меркьюри» пятьдесят третьего года, намотавшего уже больше семидесяти тысяч миль и явно нуждавшегося в регулировке клапанов. Коммивояжер был крупным парнем, типичным выходцем со Среднего Запада. Летом 1955 года Грегу Стилсону только исполнилось двадцать два, а он уже успел прогореть на малярном бизнесе в Омахе, лопнувшем четыре месяца назад.

Багажник и заднее сиденье автомобиля были заставлены картонными коробками с книгами. В основном Библиями. Самых разных форматов и размеров. Лучше всего расходилась «Библия Американского праведного пути», по доллару шестьдесят девять центов, с шестнадцатью иллюстрированными цветными вклад-

ками и переплетом на авиационном клее, который гарантировал, что страницы не рассыплются по меньшей мере десять месяцев. Затем — для тех, кто победнее, — тоже карманного формата «Новый Завет Американского праведного пути», за шестьдесят пять центов и без цветных вставок, но зато со словами «Господь наш Иисус», напечатанными красным. Состоятельной публике предлагалось подарочное издание «Библии Американского праведного пути» по девятнадцать долларов девяносто пять центов в белом, под кожу, переплете, со специально оформленным местом для нанесения золотой краской имени владельца. Книгу украшали двадцать четыре цветные иллюстрации и вклеенные в середину чистые листы для записей дат рождений, свадеб и похорон. На подарочное «Слово Божие» распространялась гарантия в два года. В отдельной коробке хранились дешевые брошюры карманного формата, озаглавленные «Праведный путь в Америке: еврейско-коммунистический заговор против Соединенных Штатов».

На этих брошюрах, напечатанных на дешевой газетной бумаге, Грег зарабатывал больше, чем на всех Библиях, вместе взятых. В них рассказывалось, как Ротшильды, Рузвельты и Гринблатты прибирали к рукам американскую экономику и правительство. Графики наглядно показывали, что евреи напрямую связаны с осью коммунизма/марксизма/ленинизма/троцкизма, а через нее с самим Антихристом.

В Вашингтоне еще помнили дни маккартизма, звезда Джо Маккарти на Среднем Западе пока не закатилась, а Маргарет Чейс Смит* от штата Мэн называли не

* Маргарет Чейс Смит (1897—1995) — первая американка, избранная и в палату представителей, и в сенат США. Прославилась своим активным противостоянием маккартизму. — *Здесь и далее примеч. пер.*

иначе как «стервой» за предложенную ею Декларацию совести. Сельская клиентура Грега очень болезненно реагировала не только на идеи коммунизма, но и на то, чтобы миром управляли евреи.

Грег свернул на пыльную дорогу к ферме в двадцати милях от Эймса, штат Айова. На вид дом казался пустым: шторы задернуты, двери в коровник заперты; но, чтобы узнать наверняка, нужно проверить самому. Этот девиз неплохо послужил Грегу Стилсону за те два года, что они с матерью прожили в Омахе, когда уехали из Оклахомы. Из малярного бизнеса не вышло ничего путного, но он сослужил свою службу, на какое-то время избавив Грега от необходимости то и дело поминать Иисуса, да простится ему это маленькое святотатство. И вот теперь он снова был при деле, но уже не как проповедник или борец за духовное возрождение, и испытывал настоящее облегчение при мысли, что чудотворный бизнес остался в прошлом.

Грег открыл дверцу машины, и едва опустил ногу на пыльную дорогу, как из-за коровника с громким лаем выскочил здоровенный и злющий пес с прижатыми ушами.

— Привет, дворняжка, — проговорил Грег приятным голосом, низким и завораживающим. Благодаря хорошо подвешенному языку он в свои двадцать два года уже приобрел навыки опытного оратора и умел увлечь аудиторию.

Пес никак не отреагировал на дружелюбие в голосе Грега и продолжал злобно приближаться, ничуть не скрывая, что хотел бы полакомиться заезжим коммивояжером. Грег быстро забрался в машину, захлопнул дверцу и дважды нажал на клаксон. По лицу градом лил пот, на белом льняном пиджаке, под мышками, проступили темно-серые круги, а на спине расплзлось пятно, похожее на дерево с ветвистой кроной.

Грег еще раз нажал на клаксон, но никто не вышел. Эти деревенские недотепы наверняка погрузились в пикап «интернэшнл харвестр» или «студебекер» и укатили в город.

Грег улыбнулся.

Но вместо того чтобы включить заднюю передачу и уехать, он пошарил рукой сзади и вытащил обычный ручной опрыскиватель, только запрограммированный не инсектицидом, а аммиаком.

Оттянув поршень, Грег снова вышел из машины. Собака, уже присевшая на задние лапы, моментально вскочила и стала приближаться, угрожающе рыча.

Грег улыбнулся.

— Все в порядке, дворняжка, — произнес он все тем же низким и завораживающим голосом. — Подходи, не бойся!

Грег ненавидел отвратительных сельских псов, которые вели себя на крошечных пятачках земли перед домом так нагло и спесиво. К тому же по собакам всегда можно судить о хозяевах.

— Проклятые тупицы! — тихо воскликнул он, продолжая улыбаться. — Ну же, песик, подходи!

Пес подскочил и присел на задние лапы, готовясь к прыжку. Из коровника послышалось мычание, и стебли кукурузы тихо зашелестели от дуновения ветра. Пес прыгнул, и лицо Грега стало жестоким. Нажав на поршень, он выпустил облако аммиака прямо в глаза и нос животного.

Злобный лай сменился коротким визгом; собака заскулила от боли, едва аммиак начал разъедать глаза. Пес поджал хвост, моментально превратившись из злой сторожевой собаки в усмиренную дворняжку.

Лицо Грега Стилсона потемнело, глаза теперь напоминали узкие щелки. Шагнув вперед, он с размаху нанес удар ногой собаке в бок. Та протяжно взвизгну-

ла, но, вместо того чтобы покинуть поле боя, убравшись за коровник, от страха и боли бросилась на мучителя, чем подписала себе смертный приговор.

Рыча, она слепо рванулась вперед и, вцепившись в правую льняную брючину, порвала ее.

— *Ах ты, сукин сын!* — Грег взревел от ярости и снова ударил собаку ногой, на этот раз с такой силой, что та покатила кубарем. Он подскочил к псу и нанес еще один удар, не переставая осыпать его проклятиями. Только теперь собака, со слезящимися глазами, с мучительной болью в носу, с одним сломанным, а другим треснувшим ребром, почувяла наконец опасность, исходящую от этого безумца, но было слишком поздно.

Задыхаясь и крича, взмокший от пота Грег Стилсон гонял собаку по пыльному двору. Он пинал ее ногами до тех пор, пока она, скуля, не зарылась в пыль. Истекавший кровью пес умирал.

— Нечего было кусаться! — шипел Грег. — Слышишь? Слышишь? Нечего было кусаться, проклятая псина! Нельзя стоять у меня на пути! Слышишь? Нельзя никому!

Он с размаху нанес еще один удар заляпанном кровью носком ботинка, но собака лишь захрипела в ответ. Голова Грега раскалывалась.

Это все солнце! Гоняться за собакой на солнцепеке! Как бы самого не хватил удар!

Он закрыл на мгновение глаза, стараясь отдышаться. Капли пота блестели в ежике волос и стекали по лицу, как слезы. У ног испускала дух избитая собака. В темноте под опущенными веками Грега прыгали разноцветные пятна, а сердце неистово билось.

Голова разламывалась.

Иногда Грег спрашивал себя, уж не сходит ли он с ума. Как сейчас, например. Ведь он собирался лишь отогнать собаку в коровник опрыскивателем, чтобы

спокойно оставить визитку под входной дверью. Потом он вернулся бы и продал книги. А что теперь? Какое-то кровавое месиво. И как теперь оставить визитку?

Грег открыл глаза. Собака хрипло и часто дышала, из носа сочилась кровь. Заметив, что мужчина опустил на него глаза, пес покорно лизнул носок ботинка, будто признавая себя побежденным, и погрузился в забытьё.

— Не надо было рвать брюки! — обратился к собаке Грег. — Они обошлись мне в пять долларов, шелудивая тварь.

Пора уносить ноги. Ему не поздоровится, если этот деревенский олух с женой и шестью детьми вернется из города на «студебекере» и увидят своего издыхающего пса у ног незваного коммивояжера. Он потеряет работу. Компании «Американский праведный путь» не нужны коммивояжеры, убивающие собак христиан.

С нервным смешком Грег сел в машину и быстро дал задний ход. Добравшись до дороги, разрезавшей кукурузное поле ровной линией, он устремился на восток и вскоре мчался со скоростью шестьдесят пять миль в час, оставляя за собой длинный шлейф пыли.

Терять работу отнюдь не входило в его планы. По крайней мере сейчас. Он неплохо зарабатывал: помимо уловок, отлично известных компании «Американский праведный путь», Грег разработал несколько своих, о которых не знал никто. Ему было грех жаловаться. Постоянные разъезды, связанные со сменой обстановки, новые знакомства, много... девчонок. Казалось, жизнь удалась, правда...

Правда, этого ему было мало.

Он продолжал путь; голова разламывалась. Да, этого ему было мало. Грег чувствовал, что родился для большего, чем разъезжать по Среднему Западу, торговать библиями и подделывать накладные ради пары